

СВИДЕТЕЛИ ПУТЕШЕСТВИЯ ПЛАНО КАРПИНИ: УНИКАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ И ОШИБКИ ПРОЧТЕНИЯ

В 1911 г. А. И. Малеин в предисловии к своим ставшим позднее хрестоматийными переводам сочинений Плана Карпини и Рубрука, отметив несовершенство существовавших на тот момент изданий, писал: «Оба автора ждут еще своего настоящего издания, и эта благодарная задача могла бы быть предпринята нашей Академией наук, так как огромное большинство местностей, описанных обоими путешественниками, входит ныне в пределы России»¹. Что касается «Истории монголов» Иоанна де Плана Карпини — повествования о путешествии посла римского папы и его спутников в Монголию в 1245–1247 г.², то ее «русская составляющая» не исчерпывается описанием местностей: в сочинении главы францисканской миссии ко двору монгольского великого хана упоминается ряд эпизодов, относящихся к русской истории, поименно — немалое количество русских людей (как князей, так и лиц иного статуса). Кроме того, согласно прямым указаниям автора, значительная часть информации о монголах была получена францисканцами от пребывавших на территории Монгольской империи христиан, и в первую очередь — русских³, то есть взгляд на завоевателей, присутствующий в «Истории монголов», — это в основе своей немалой мере взгляд с русской стороны⁴.

Тем не менее приходится признать, что задача, поставленная А. И. Малеиным, за прошедшее с публикации его работы столетие отечественной наукой не выполнена. В 1957 г. был переиздан перевод А. И. Малеина с предисловием Н. П. Шастиной; в сравнении с изданием 1911 г. были несколько расширены комментарии (но все равно остались краткими)⁵. Оригинальный латинский текст не был помещен в издание (как и в 1911 г.). Позже имели место только еще несколько переизданий перевода А. И. Малеина⁶.

Между тем в мировой науке за прошедшее столетие текстологическое изучение сочинения Плана Карпини значительно продвинулось. А. И. Малеин делал свой перевод с издания М. д'Авезака, осуществленного по так называемому Лейденскому списку⁷. В 1838 г., когда вышло издание д'Авезака, Лейденский список был единственным известным списком второй, пространной, редакции «Истории монголов». Но в конце XIX столетия стал известен другой

¹ Иоанн де Плана Карпини. История монгалов. Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. СПб., 1911. С. XIII–XIV.

² Плана Карпини и его спутники выехали из Лиона (где пребывал папа Иннокентий IV) в апреле 1245 г. и вернулись туда осенью 1247 г.; собственно через Русь (Южную) они проезжали по пути во владения монголов зимой 1245–1246 г. и на обратном пути летом 1247 г. (см.: Путешествия в восточные страны Плана Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 8, 217, 221).

³ Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli. Spoleto, 1989. P. 228, 324; Путешествия в восточные страны Плана Карпини и Рубрука. С. 24, 78.

⁴ См. об этом: [Горский, 2014].

⁵ Путешествия в восточные страны Плана Карпини и Рубрука.

⁶ Путешествия в восточные страны Плана Карпини и Гильома де Рубрука. Алматы, 1993; Джованни дель Плана Карпини. История монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Книга Марко Поло. М., 1997; История монголов. М.: АСТ, 2008; История монголов. М.: Алгоритм, 2008; Карпини И. де Плана. История монголов. М., 2008. А. Г. Юрченко и С. В. Аксенов издали латинский текст и перевод «Истории тартар» Ц. де Бридиа, представляющей собой другой, более краткий вариант отчета миссии Плана Карпини (Юрченко А. Г. Христианский мир и Великая Монгольская империя: Материалы францисканской миссии 1245 года. СПб., 2002. С. 77–126), но что касается самой «Истории монголов», то А. Г. Юрченко было осуществлено издание латинского текста и перевода только одной ее главы — главы 5 (Юрченко А. Г. Историческая география политического мифа: Образ Чингис-хана в мировой литературе XIII–XV вв. СПб., 2006. С. 497–518).

⁷ Relation des Mongols ou Tartares par le frère Jean du Plan de Carpin. Paris, 1838.

список — Кембриджский. Его существенные разночтения с Лейденским, в том числе в написании личных имен, были приведены в работе Ч. Бизли 1903 г.⁸ По Кембриджскому списку публиковали «Историю монголов» Дж. Пулле в 1913 и 1929 г.⁹ и А. ван ден Вингарт в 1929 г.¹⁰ Ко времени выхода в свет этих изданий был уже известен третий список — из библиотеки г. Вольфенбюттель (Германия). Издание, учитывающее все списки второй, а также и первой, краткой, редакции (их ныне восемь плюс Туринский список, содержащий контаминацию двух редакций), было осуществлено в 1989 г. коллективом итальянских филологов под руководством Э. Менесто. Что касается комментариев, то в отношении «русской составляющей» новейшее издание ничего нового не внесло: среди составителей не было русистов, древнерусские источники и русскоязычная историография не привлекались (публикация А. И. Малеина даже не упомянута), и комментарии к русским эпизодам и персоналиям ограничиваются ссылками на западные работы — главным образом на исследование П. Пелльо [Pelliot]¹¹, в отдельных случаях на Г. В. Вернадского и Дж. Феннелла. Однако издание Э. Менесто подводит итоги текстологического изучения памятника на основе всех ныне известных списков. И оно показало, что Лейденский список (XIV в.) представляет собой копию с Кембриджского (конца XIII в.), а Вольфенбюттельский (XIV в.) восходит к общему с Кембриджским протографу¹². Это означает, что чтения Лейденского списка, отличные от чтений двух других списков, — вторичны и ошибочны. Между тем после перевода А. И. Малеина в отечественной литературе закрепились некоторые чтения имен, основанные именно на Лейденском списке, точнее — на его воспроизведении в издании М. д'Авезака. Это касается в первую очередь такого насыщенного информацией фрагмента, как содержащийся в конце последней, 9-й, главы перечень свидетелей путешествия Плано Карпини¹³.

Перевод А. И. Малеина¹⁴:

«И, чтобы не возникало у кого-нибудь сомнения, что мы были в земле Татар, мы записываем имена тех, кто нас там нашел. Король Даниил Русский со всеми воинами и людьми, именно с теми, которые прибыли с ним, нашел нас вблизи ставок Картана, женатого на сестре Бату; у Коренцы мы нашли Киевского сотника Монгрота и его товарищей, которые провожали нас некоторую часть дороги; а к Бату они прибыли раньше нас. У Бату мы нашли сына князя Ярослава, который имел при себе одного воина из Руси, по имени Сангора; он родом Коман, но теперь христианин, как и другой Русский, бывший нашим толмачом у Бату, из земли Суздальской. У императора Татар мы нашли князя Ярослава, там умершего, и его воина, по имени Темера, бывшего нашим толмачом у Куйюк-хана, то есть императора Татар, как по переводу грамоты императора к Господину Папе, так и при произнесении речей и ответе на них; там был также Дубарлай, клирик вышеупомянутого князя, и служители его Яков, Михаил и другой Яков. При возвращении в землю Бесерминов, в городе Лемфинк, мы нашли Угнея, который, по приказу жены Ярослава

⁸ The Texts and versions of John de Plano Carpini and William de Rubruquis. London., 1903. P. VII–XIV.

⁹ Historia Mongalorum. Viaggio di F. Giovanni da Pian del Carpine ai Tartari // Studia di filologia indo-iranica. 1913. T. IX; Viaggio a Tartari di frate Giovanni da Pian del Carpine (Historia Mongalorum). Milano, 1929.

¹⁰ Sinica Franciscana. Firenze, 1929. Vol. 1.

¹¹ В этой работе учтено издание А. И. Малеина и другие русскоязычные работы, а также привлечены древнерусские источники.

¹² Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli. P. 100–215 (стемма на р. 186).

¹³ Существует мнение, что глава 9 написана не Плано Карпини, а является, вместе с другими дополнениями второй редакции по сравнению с первой, результатом творчества иного лица [Ostrowski]; ср. мнение, что вторую редакцию создал сам Плано Карпини, но внес при этом серьезные изменения в сравнении с первой под влиянием политической конъюнктуры: [Ставиский]. Но в любом случае, детальный рассказ о путешествии, содержащийся в главе 9, в том числе перечень его свидетелей, несомненно, восходит к информации, которой мог располагать только участник миссии.

¹⁴ Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. С. 81–82.

и Бату, ехал к вышеупомянутому Ярославу, а также Коктелеба и всех его товарищей. Все они вернулись в землю Суздальскую в Руссии; у них можно будет, если потребуется, отыскать истину. У Мауци нашли наших товарищей, которые оставались там, князь Ярослав и его товарищи, а также некто из Руссии по имени Святополк и его товарищи. И при выезде из Комании мы нашли князя Романа, который въезжал в землю Татар, и его товарищей и живущего поныне князя Алогу и его товарищей. С нами из Комании выехал также посол князя Черниговского и долго ехал с нами по Руссии. И все это Русские князья»¹⁵.

*Латинский текст по изданию Э. Менесто*¹⁶:

«Et ne aliqua dubitatio quin fuerimus ad Tartaros apud aliquos oriat, nomina illorum scribimus qui ibidem nos invenerunt. Rex Daniel Rusciae cum omnibus militibus et hominibus suis, qui venerunt secum, nos invenerunt, prope stationes Carbon, qui habet sororem Bati <in uxorem>; apud Corenzam invenimus Hongrot centurionem Kiovie et socios eius, qui etiam nos per quamdam partem vie duxerunt; et isti post nos venerunt usque ad Bati. Apud Bati invenimus filium ducis Ierozlai, qui habebat secum militem unum de Ruscia qui vocatur Sangor, qui fuit natione comanus sed nunc est christianus, ut alter rutenus qui apud Bati noster fuit interpres, de terra susdaliensi. Apud imperatorum Tartarorum invenimus ducem Ierozlaum qui mortuus est ibidem, et militem suum qui vocatur Temer, qui fuit interpres noster apud Cuycan, imperatorem scilicet Tartarorum, tam in translatione litterarum imperatoris ad dominum papam, quam in verbis dicendis et respondendis. Ibi etiam erat Dubazlaus clericus ducis predicti, Iacobus, Michael et iterum Iacobus servientes ipsius. In reversione in terram Biserminorum, in civitate Ianikint, invenimus Coligneum qui de mandato uxoris Ierozlai et Bati ibat ad predictum Ierozlaum, et Cocceleban et omnem societatem eius. Isti omnes reversi sunt in terram susdaliensem in Ruscia, a quibus poterit, si oportuerit, veritas inveniri. Apud Mouci invenerunt socios nostros qui remanserunt, dux Ierozlaus et societas eius, <dux> etiam quidam in Ruscia, Santopolkus nomine, et societas eius. Et in exitu Comanie invenimus ducem Romanum qui intrabat ad Tartaros et societatem ipsius, et ducem Olaha qui exhibat et societatem ipsius. Nuntius etiam ducis de Chernegloue exivit nobiscum de Comania, et diu per Rusciam venit nobiscum; et omnes isti sunt duces ruteni».

В перечне упомянут ряд князей, чья идентификация вызывает сложности.

Santopolkus, несомненно, передает имя *Святополк*¹⁷. Он прямо не назван князем, но имя *Святополк* на Руси было исключительно княжеским. Считается, что после Святополка Окаянного оно стало малоупотребительным, а позже середины XII в. вовсе перестало использоваться [Литвина, Успенский, с. 50]; из русских источников известно еще только три Святополка — Святополк Изяславич (ум. 1113), Святополк Мстиславич, внук Владимира Мономаха, и Святополк Юрьевич, сын туровского князя середины XII в. Юрия Ярославича (внука Святополка Изяславича). Но свидетельство Плано Карпини позволяет заключить, что имя *Святополк* не вышло из употребления и в XIII столетии. Упомянутый в «Истории монголов» Святополк, неизвестный русским источникам, скорее всего — один из князей турово-пинской ветви, для которой это имя было именем родоначальника (Святополка Изяславича).

¹⁵ Далее упоминаются в качестве свидетелей «все граждане Киева» и русские люди, через земли которых проезжала миссия, а также ряд западноевропейских купцов.

¹⁶ Giovanni di Pian di Carpine. *Storia dei Mongoli*. P. 330–332. Следует иметь в виду, что в издании Э. Менесто помещен текст, реконструируемый на основе двух списков (Кембриджского и Вольфенбюттельского); в отдельных случаях в тексте присутствуют конъектуры издателей, а слова, помещенные в угловых скобках, являются их добавлениями, вставленными по смыслу.

¹⁷ Ср.: [Pelliot, p. 73]; Giovanni di Pian di Carpine. *Storia dei Mongoli*. P. 495. Первая составляющая имени — *Свят* — фактически переведена, при этом не вполне ясно, на итальянский (где «святой» — *santo*) или на латынь (*sanctus*): в Вольфенбюттельском списке *Santopolkus*, но в Кембриджском — *Sancopoltus*.

Князь *Роман* вероятнее всего не сын Даниила Романовича Галицкого¹⁸, а Роман Михайлович Брянский, сын убитого в 1246 г. в ставке Батыея Михаила Всеволодича Черниговского. Освобождение черниговского стола требовало урегулирования именно княжений Черниговской земли, и в сочинении Платано Карпини упоминается посол черниговского князя (нового), вместе с которым францисканцы въехали (летом 1247 г.) из Половецкой степи в Русь; могли быть вызваны к Батыю и другие князья черниговской ветви.

Под князем *Olaha*, несомненно, имеется в виду *Олег*¹⁹. Это может быть рязанский князь Олег Ингваревич, пребывавший у монголов до 1252 г. (ср.: [Pelliot, p. 22, n. 9]). Но не исключено, что речь идет об одном из князей Черниговской земли, среди которых имя Олег было распространенным²⁰.

В князе *Ярославе* комментаторы обычно видят великого князя владимирского Ярослава Всеволодича²¹. Однако с Ярославом Всеволодичем Платано Карпини общался в Монголии, о чем подробно рассказано в его сочинении²². Этот же Ярослав встретился францисканцам во время нахождения у Батыева полководца Моуци, то есть между Днестром и Доном. П. Пелльо отметил несоответствия, возникающие при трактовке «князя Ярослава» как Ярослава Всеволодича [Pelliot, p. 22–23]. Действительно, Ярослав Всеволодич и его кончина в Монголии упомянуты в перечне свидетелей выше; на обратном пути Платано Карпини его встретить не мог — Ярослава тогда уже не было в живых, между тем перечень разворачивается в хронологическом порядке, и упоминание пребывания у Моуци относится именно к обратному пути²³. Вопрос разрешается при допущении, что речь идет о другом Ярославе. Им мог быть князь из волынской ветви Ярослав Ингваревич, упоминаемый Галицко-Волынской летописью в рассказе о событиях второй половины 20-х годов XIII в.²⁴; возможно также, что имеется в виду Ярослав Ярославич — сын Ярослава Всеволодича²⁵.

Перечень позволяет раскрыть состав окружения Ярослава Всеволодича — тех, кто сопровождал его в Монголии. Среди этих лиц один (Темер) определен как *miles*, трое как *servientes* и один как *clericus* (духовное лицо). Выше в «Истории монголов» термином *miles* назван приближенный убитого в ставке Батыя Михаила Всеволодича, погибший вместе с ним²⁶. Из русских источников известно, что этого человека звали Федор и он был боярином²⁷. Следовательно, и Темер, определенный тоже как *miles*, скорее всего являлся боярином Ярослава.

¹⁸ Так предположил П. Пелльо (ошибочно назвав Романа сыном брата Даниила — Василька: [Pelliot, p. 22, n. 8]; ошибка перешла в новейшее издание «Истории монголов»: Giovanni di Pian di Carpine. *Storia dei Mongoli*. P. 495. № 80).

¹⁹ Giovanni di Pian di Carpine. *Storia dei Mongoli*. P. 495. № 80.

²⁰ Так, в главе 3 Платано Карпини упоминает о пребывании одновременно с францисканцами у Батыя брата убитого монголами князя из Черниговской земли Андрея, не называя его по имени (Giovanni di Pian di Carpine. *Storia dei Mongoli*. P. 238–239; Путешествия в восточные страны Платано Карпини и Рубрука. С. 29–30).

²¹ См.: [Pelliot, p. 22–24]; Giovanni di Pian di Carpine. *Storia dei Mongoli*. P. 495. n. 79.

²² Giovanni di Pian di Carpine. *Storia dei Mongoli*. P. 286, 313, 319, 323, 325; Путешествия в восточные страны Платано Карпини и Рубрука. С. 29, 34, 72, 75, 77–78.

²³ Платано Карпини говорит о встрече там с участниками миссии, которые не ездили в Монголию, а были отправлены назад из ставки Батыя и затем задержаны у Моуци (Giovanni di Pian di Carpine. *Storia dei Mongoli*. P. 329; Путешествия в восточные страны Платано Карпини и Рубрука. С. 71).

²⁴ ПСРЛ. Т. II. М., 2001. Стб. 750–751, 753.

²⁵ Один из сыновей Ярослава встретился Платано Карпини у Батыя, на пути францисканцев в Монголию. Скорее всего, это был Константин Ярославич, еще в 1243–1245 г. ездивший в Каракорум (ПСРЛ. М., 1997. Т. I. Стб. 470); не исключено, что в 1247 г. Ярослав Ярославич ехал сменить брата при дворе Батыя и виделся с Платано Карпини в кочевьях Моуци.

²⁶ Giovanni di Pian di Carpine. *Storia dei Mongoli*. P. 238; Путешествия в восточные страны Платано Карпини и Рубрука. С. 29.

²⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 808; *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития. М., 1915. Тексты. С. 58.

Его имя указывает на тюркское происхождение²⁸ (очевидно, он был родом из половцев или черных клобуков). *Servientes* же явно соответствует русскому обозначению менее знатных членов княжеского двора — *служы*²⁹.

Сангор — человек Ярослава, находившийся в ставке Батые, несомненно, тождествен «Ярославу человеку Сынгуруви», упомянутому галицким летописцем в рассказе о поездке к Батью Даниила Романовича³⁰. Плато Карпини прямо указывает на его половецкое (сomanus) происхождение. Тюркским считается имя еще одного связанного с Ярославом лица — *Cocceleban* [Pelliot, p. 22, n. 5].

Определенную загадку представляло имя, в переводе А. И. Малеина звучащее как «Дубарлай». Подобный русский антропоним неизвестен, и можно было бы предполагать либо тюркизм, либо некое нелицеприятное прозвище, принятое францисканцами за имя³¹. Но дело в том, что ни в одном из трех списков пространной редакции «Истории монголов» «Дубарлая» нет. В них присутствует чтение *Dubazlaus*³². Ошибка возникла из-за того, что в издании М. д'Авезака вместо *z* было напечатано *r*³³ (по причине сходства написания этих букв в Лейденском списке). *Dubazlaus* же — это славянское имя с элементом *-слав*: аналогично *Ярослав* передается Плато Карпини как *Ierozlaus*. Поскольку имя *Дубослав* источниками не зафиксировано, очень вероятно, что перед нами искаженное *Доброслав* (ср.: [Pelliot, p. 72–73]). Персонаж с таким именем известен в ту же эпоху. Это галицкий боярин Доброслав Судыч, в 1241 г. вызвавший гнев князя Даниила Романовича и «изоиманный» по его приказу³⁴.

Еще один человек Ярослава, отправленный к нему женой и Батыем, в переводе А. И. Малеина фигурирует как *Уней*. Такое имя может произвести впечатление очередного тюркизма³⁵, но в текстовой реальности его не существует. В Лейденском списке читается *Ligneum*³⁶: в издании М. д'Авезака сочетание букв *Li* из-за слитного написания было принято за *U*³⁷. Но при этом *Ligneum* — чтение неверное: в Кембриджском и Вольфенбюттельском списках — *Coligneum*³⁸ (то есть в Лейденском списке пропущен слог). А *Coligneum* (в им. п. *Coligneus*) — это, вероятнее всего, славянское имя с элементом *-гнев*³⁹: *Коли(?)гнев*.

Как еще одна загадка в отечественной историографии рассматривалось имя «киевского сотника» — «Монгрот». Комментаторы обычно отмечали отсутствие подобного имени среди древнерусских⁴⁰. Было также высказано мнение, что в данном случае перед нами принятое Плато

²⁸ См.: [Pelliot, p. 69]; Giovanni di Pian di Carpine. *Storia dei Mongoli*. P. 491–492. n. 63.

²⁹ См. об этой категории: [Свердлов, с. 208–209].

³⁰ ПСРА. Т. II. Стб. 807.

³¹ Предположение М. Д. Полубояриновой [Полубояринова, с. 23].

³² См.: Giovanni di Pian di Carpine. *Storia dei Mongoli*. P. 202.

³³ *Relation des Mongols ou Tartares par le frère Jean du Plan de Carpin*. P. 375.

³⁴ ПСРА. Т. II. Стб. 789–791. Не исключено, что речь может идти об одном и том же лице. Обращает на себя внимание тот факт, что духовное лицо из окружения Ярослава выступает под языческим, а не крестильным именем. Такое могло иметь место, если «*Dubazlaus*» стал «клириком» недавно, а до этого, в миру, был известной фигурой. Доброслав Судыч характеризуется галицким летописцем как «попов внук», то есть он был человеком, не чуждым духовенству. Не исключено, что Доброслав мог обрести свободу из заточения у князя Даниила путем обещания постричься в монахи, а после того, как в 1243 г. Ярослав получил от Батые «старейшинство» среди всех русских князей и княжение в Киеве (см. об этом: [Горский, 1996, с. 29]), пойти к нему на службу и занять видное место в окружении великого князя.

³⁵ Ср.: [Карпов, с. 194].

³⁶ Giovanni di Pian di Carpine. *Storia dei Mongoli*. P. 201.

³⁷ *Relation des Mongols ou Tartares par le frère Jean du Plan de Carpin*. P. 375.

³⁸ Giovanni di Pian di Carpine. *Storia dei Mongoli*. P. 201.

³⁹ Коль скоро при передаче элемента имен *-слав* у Плато Карпини в «слито» с первой буквой латинского окончания им. п. — *u* (*zlaus*), надо полагать, что аналогично *gneus* передает славянское *гнев*.

⁴⁰ Путешествия в восточные страны Плато Карпини и Рубрука. С. 221; [Полубояринова, с. 23].

Карпини за имя тюркское название Киева — Манкерман [Ставиский, с. 206—207]. Однако *Mongrot* — это ошибочное чтение Лейденского списка. В Кембриджском списке — *Nongrot*, в Вольфенбюттельском — *Nongreth*. Такое имя также не поддается интерпретации, поэтому вероятной является конъектура, предложенная П. Пельо (и принятая в издании Э. Менесто), — *Hongrot*. В этом случае перед нами имя, соответствующее монгольскому родоплеменному названию *конграт/хонкират*⁴¹.

Но если данное лицо являлось монголом, встает вопрос, почему *Хонгрот* определен как *киевский сотник*⁴². Из текста следует, что он пребывал не в Киеве, а в улусе Куремсы — ближайшей к Киеву монгольской административной единице. Рассказывая выше, в главе 9, о пребывании у Куремсы, Плато Карпини пишет, что там «нам дали лошадей и трех татар, которые были десятниками, а один — человек Бату», которые сопровождали францисканцев до ставки Батыея⁴³. В перечне же свидетелей как спутники францисканцев по пути от Куремсы к Батыею называются сотник *Хонгрот* и его товарищи. Очевидно, что речь идет об одних и тех же лицах: десятники подчинены сотнику, который и есть «человек Бату». Таким образом, киевский сотник находился в ближайшем к Киеву степном улусе и был подчинен непосредственно Батыею. В связи с этими данными уместно вспомнить вызвавшее серьезные споры в историографии летописное известие о монгольской переписи 1257 г. в Северо-Восточной Руси: «Тое же зимы приехаша численици, исцетоша всю землю Сужальскую, и Рязанскую, и Мюромьскую, и ставиша десятники, и сотники, и тысящники, и темники, и идоша в Ворду»⁴⁴.

Историки разошлись во мнениях в отношении того, кем были упомянутые представители администрации — темники, тысячники, сотники и десятники: монголами [Насонов, с. 15—17] или русскими [Феннел, с. 158; Егоров, с. 53—54; Кривошеев, с. 175—177; Григорьев, с. 27]. При этом практически все исходило из того, что эти лица действовали на Руси. Сведения Плато Карпини позволяют по-иному взглянуть на этот вопрос. В главе 7 он прямо свидетельствует, что в Южной Руси монголы ко времени путешествия францисканцев уже провели перепись населения с целью упорядочить сбор дани⁴⁵. Отсюда следует, что упомянутые Плато Карпини в главе 9 имеющие отношение к Киеву сотники и десятники — это поставленные в ходе переписи монгольские чиновники, отвечающие за сбор дани. Но постоянно находились они не на Руси, а в ближайшей к Киевской земле монгольской административной единице (из которой можно было в короткий срок добираться до подведомственной территории для осуществления своих функций)⁴⁶. Разумеется, сотник *Хонгрот* был не главным и не единственным чиновником, ответственным за Киев и его округу, а только одним из многих. Поскольку Плато Карпини и его спутники приехали к Куремсе из Киева, ему было приказано их сопроводить на дальнейшем пути.

⁴¹ См.: [Pelliot, p. 68—69]; Giovanni di Pian di Carpine. *Storia dei Mongoli*. P. 331, 494. n. 72. Имена, производные от этнонимов, — достаточно распространенное явление, ср. *Торчин*, *Куман* на Руси домонгольской эпохи (ПСРЛ. Т. II. Стб. 123, 229, 249).

⁴² Выше в тексте Плато Карпини упоминается киевский «тысячник» (*millenarius*), но там речь идет явно о русском должностном лице (то есть о *тысяцком*), так как он вместе с другими представителями киевской знати советует францисканцам, как вести себя у татар (Giovanni di Pian di Carpine. *Storia dei Mongoli*. P. 304—305; Путешествия в восточные страны Плато Карпини и Рубрука. С. 67).

⁴³ Giovanni di Pian di Carpine. *Storia dei Mongoli*. P. 309; Путешествия в восточные страны Плато Карпини и Рубрука. С. 69.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 475.

⁴⁵ Giovanni di Pian di Carpine. *Storia dei Mongoli*. P. 285—286; Путешествия в восточные страны Плато Карпини и Рубрука. С. 55. О проведении такой переписи при жизни Михаила Всеволодича Черниговского (убитого 20 сентября 1246 г.) говорит и *Житие Михаила* («изочтоша я в число, и начаша на них дань имати татарове» (*Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития*. Тексты. С. 55, 64)).

⁴⁶ На Руси монгольскую администрацию представляли другие должностные лица — баскаки; киевский баскак упоминается еще в 1331 г. (см.: [Маслова]).

Таким образом, упоминание киевского сотника в «Истории монголов» проясняет особенности системы управления русскими землями в первые десятилетия монгольского господства. Это был контроль без оккупации, при котором лица, осуществляющие властные prerogatives, находятся вне подвластной земли, но по соседству с ней. Соответственно, десятники, сотники, тысячники и темники⁴⁷, «поставленные» в 1257 г. в Суздальской земле, скорее всего, постоянно пребывали в ближайшем к ней улусе — Булгаре⁴⁸ (и были, несомненно, монголами⁴⁹).

В целом перечень свидетелей путешествия Платона Карпини содержит ценную, местами уникальную информацию. Русские имена и имена тюрок по происхождению, служивших русским князьям, переданы точно. К последним относятся только три имени — Сангор, Темер и, вероятно, «Коккелебан». «Дубарлай» и «Угней» — имена-фантомы, порожденные ошибками, происшедшими при издании текста «Истории монголов» почти два века назад: в тексте на самом деле упоминаются носители славянских имен с элементами *слав* и *гнев*. Перечень содержит упоминание минимум одного князя, неизвестного по другим источникам (Святополк), в нем раскрывается состав окружения великого князя Ярослава Всеволодича в его поездке в Каракорум ко двору великого хана. А упоминание единственного «нерусского» персонажа перечня — киевского сотника, рассмотренное в связи со сведениями других источников, позволяет высказать определенные предположения в отношении системы властвования завоевателей над Русью.

Литература

- Горский А. А. Русские земли в XIII—XIV веках: пути политического развития. М., 1996.
Горский А. А. Об обстоятельствах гибели великого князя Ярослава Всеволодича // «По любви, в правду, безо всякие хитрости»: от друзей и коллег В. А. Кучкину к 80-летию. М., 2014. С. 179—190.
Григорьев А. П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. СПб., 2004.
Егоров В. Л. Александр Невский и Чингизиды // Отечественная история. 1997. № 2. С. 48—58.
Карпов А. Ю. Батый. М., 2011.
Кривошеев Ю. В. Русь и монголы. СПб., 2003.
Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X—XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006.
Маслова С. А. Баскаческая организация на Руси: время существования и функции // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 1 (51). С. 27—40.
Насонов А. Н. Монголы и Русь. М.; Л., 1940.
Полубояринова М. Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978.
Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983.
Ставиский В. И. Известия о Руси в «Истории монгалов» Платона Карпини в свете археографической традиции ее изучения // Древнейшие государства на территории СССР. 1986 г. М., 1988. С. 191—210.
Фенел Дж. Кризис Средневековой Руси. 1200—1304. М., 1989.
Ostrowski D. Second-Redaction Additions in Carpini's *Ystoria Mongalorum* // Harvard Ukrainian Studies. 1990. Vol. 14. № 3—4. P. 522—550.
Pelliot P. Recherches sur les Chrétiens d'Asie Centrale et d'Extrême Orient. Paris, 1973.

⁴⁷ В ярлыке хана Менгу-Тимура русскому духовенству (1267 г.) эти категории, по-видимому, объединены под понятием «данщики» (Памятники русского права. М., 1955. Вып. 3. С. 467).

⁴⁸ Представление, что десятники, сотники, тысячники и темники находились на Руси, основывается на впечатлении, что все названные в летописном сообщении о переписи 1257 г. действия («исщетоша... ставиша... и идоша в Ворду») относятся к одним и тем же людям — «численникам»; в этом случае естественно полагать, что те, кого они «поставили», *остались* в Суздальской, Рязанской и Муромской землях. Но как раз в отношении «численников» упоминание, что они ушли в Орду, — лишнее, поскольку очевидно, что эти чиновники не должны были оставаться на Руси после выполнения своей миссии. Слова «и идоша в Ворду» призваны, скорее всего, подчеркнуть, что покинули территорию Руси *все* названные выше должностные лица — и те, кто «ставил», и «поставленные».

⁴⁹ Монголами, разумеется, в «политическом» смысле — служилыми людьми Чингизидов; их этническое происхождение могло быть различным (так, в той же главе 9 сочинения Платона Карпини упоминается алан Михей, управлявший в качестве монгольского наместника поселением на пути из Киева в улус Куремсы (Giovanni di Pian di Carpine. *Storia dei Mongoli*. P. 305; Путешествия в восточные страны Платона Карпини и Рубрика. С. 68)).